

— —

БУЛЬДОГ ДРАММОНД

Роман

Пролог

В ДЕКАБРЕ 1918-го, в тот самый день, когда под гордо развевающимися победными знаменами Британский конный дивизион вошел в Кёльн, управляющий отелем «Националь» в Бёрне получил письмо. Содержание послания, казалось, озадачило его, он прочитал его дважды и позвонил в колокольчик, вызывая секретаршу. Почти немедленно дверь открылась, и юная француженка впорхнула в кабинет.

— Месье вызывал меня? — Она застыла перед столом управляющего, ожидая инструкций.

— У нас когда-либо останавливался некий граф де Ги? — управляющий откинулся назад на своем стуле и уставился на секретаршу сквозь стекла пенсне.

Секретарша задумалась на мгновение и затем покачала головой.

— Не припоминаю такого, — ответила она.

— Мы знаем что-нибудь о нем? Он заходил к нам пообедать или брал отдельную комнату?

Снова секретарь покачала головой.

— Не на моей памяти.

Управляющий вручил ей письмо и уставился на девушку, наблюдая за ее реакцией.

— Это кажется на первый взгляд специфическим заказом от неизвестного человека, — прокомментировал он, когда она закончила чтение. — Ужин на четыре персоны; обслуживание по высшему классу. Вина указаны точно, согласно нашему меню. Отдельная комната в половине восьмого. Зарегистрировать комнату X, если придут гости.

Секретарь кивнула, соглашаясь.

— Это едва ли может быть обман, — заметила она после краткой паузы.

— Вряд ли... — управляющий рассеянно улыбнулся. — Но если это все же фальшивый заказ, нам он влетит в копеечку. Мне бы хотелось знать, кто этот граф де Ги.

— Фамилией походит на француза, — заметила секретарша. И добавила после паузы: — Думаю, что вы собираетесь отнестись к нему серьезно.

— Я должен. — Он снял пенсне и положил на стол перед собой. — Вы пригласили *maître d'hôtel*?

Независимо от того, обоснованы ли были опасения управляющего, метрдотель их разделял. С другой стороны, война и разруха тяжело ударили по гостиничному бизнесу, а этот таинственный заказ обещал реальную прибыль. Кроме того, управляющий любил свою работу, и подготовка званого ужина была ему в радость. Несомненно, он лично встретил бы трех загадочных гостей и таинственного графа де Ги; он лично проследил бы, чтобы у них не было никаких претензий...

И поэтому приблизительно в двадцать минут восьмого метрдотель нарезал круги вокруг носильщика, управляющий вился вокруг метрдотеля, и секретарь металась

вокруг них обоих. В семь двадцать пять прибыл первый гость...

Он выглядел весьма странно в тяжелой шубе, напоминая медведя.

— Я хочу быть отведен в комнату X! Ферштейн? — Французенка-секретарша оцепенела за спиной метрдотеля. При всем своем космополитизме, она не могла слышать немецкую речь без дрожи.

— Бош, — пробормотала она в отвращении, когда гость скрылся за вращающейся дверью в конце холла.

Управляющий не разделял ее отрицательных эмоций. Заказ таинственного графа не был розыгрышем, и это казалось ему важнее национальности гостей.

Почти немедленно явились еще двое участников званого ужина. Они прибыли по одному. Было очевидно и странно, что друг с другом они не знакомы.

Первым явился высокий худой джентльмен со всклокоченной бородой и пронзительным взглядом. Тихим гнусавым голосом он попросил ключи от номера X. Вошедший следом и переминавшийся у него за спиной маленький толстый человечек посмотрел на него удивленно и испуганно. Затем попросил ключи от того же номера на отвратительно исковерканном французском языке.

— Это не француз, — заявила секретарь взволнованно, когда метрдотель вывел гостей из холла. — Еще один немец!

Управляющий глубокомысленно крутил пенсне между пальцами.

— Два немца и американец... — он выглядел немного испуганным. — Будем надеяться, что ужин всех примирит. Иначе...

Но завершить мысль, выразить свои опасения за сохранность мебели в номере X управляющий не успел.

Дверь снова распахнулась, и в холл вошел человек, чье лицо почти полностью закрывал белый теплый шарф. Мягкая шляпа была глубоко надвинута, так что единственной чертой внешности незнакомца, которую запомнил менеджер, были глубоко посаженные серо-стальные глаза.

— Вы получили мое письмо этим утром?

— Мсье граф? — почтительно поклонился управляющий. — Все готово, и ваши три гостя прибыли.

— Хорошо. Я пройду сразу в номер.

Метрдотель вышел вперед, чтобы освободить его от его пальто, но граф отстранил его.

— Я сниму его позже. Отведите меня в номер.

Проследовав за метрдотелем, граф внимательно осмотрел холл. Кроме двух или трех пожилых женщин сомнительной национальности и человека из американского Красного Креста, постояльцев в отеле не было. Граф остановился и обернулся к метрдотелю.

— Не лучшее время для бизнеса? — спросил он.

Время было и вправду не лучшим. Метрдотель стал разговорчив. Дела никогда не были так плохи на его памяти... Но нужно надеяться, что ужин порадует мсье графа... Он лично проследил за подготовкой... Сам подбавил вина.

— Если все меня устроит, то вам не придется сожалеть, — заверил граф. — Но помните одно. После того, как принесут кофе, меня не следует беспокоить. Вообще. — Метрдотель замер, приоткрыв дверь, и граф повторил последние несколько слов: — Ни при каких обстоятельствах. Вообще.

— Месье граф... Я лично прослежу...

Но вот граф шагнул в комнату. Нельзя сказать, что в номере царила благоприятная атмосфера. Трое гостей

рассматривали друг друга с враждебностью и недоверием. Когда граф вошел, они уставились на него с нескрываемым подозрением. На мгновение он замер на месте, пристально по очереди разглядывая каждого из приглашенных. Потом шагнул вперед...

— Добрый вечер, господа... — обратился он к своим гостям по-французски. — Я польщен вашим присутствием. — Он повернулся к метрдотелю. — Извольте подать ужин точно через пять минут. — С поклоном тот шагнул наружу, закрыв за собой дверь. — Предлагаю использовать пятиминутную паузу для знакомства. — Граф снял пальто и шляпу. — К делам перейдем, с вашего разрешения, после кофе, когда все мы успокоимся.

Гости молчали, пока граф разматывал плотное теплое кашне. С явным любопытством они изучали таинственного хозяина вечеринки. Внешность у графа оказалась запоминающейся: короткая темная бородка и профиль орлиный и строгий. Глаза графа сияли ледяной голубой сталью; густые каштановые волосы с пробивающейся сединой были зачесаны назад над широким лбом. Его руки казались большими и белыми, но лишены женоподобной изнеженности, это были руки вождя и борца. Сквозь каждую черту облика графа лучилась некая сила. И имя этой силы — Власть...

Это было очевидно для любого, в том числе и для любого из троих приглашенных, отнюдь не простаков. Каждый из них обрел влияние благодаря уму. Каждый из них понимал — их пригласили на ужин отнюдь не случайно. Случайные люди не ужинают в компании мировой элиты. Дело не в том, что у пригласившего их человека имелись деньги. Большие Деньги. А деньги стали их жизнью...

Граф обратился сначала к американцу.

— Господин Хокинг, если я не ошибаюсь, — обратился он на английском языке, протянув руку собеседнику. — Я рад, что вам удалось приехать.

Американец пожал предложенную руку, в то время как два немца посмотрели на него с внезапным интересом. Как человек, стоявший во главе большого американского хлопкового траста, стоящего больше в миллионах, чем он мог сосчитать, янки был наделен правом на уважение...

— Вы совершенно правы, граф, — прогнусавил американский миллионер. — Мне интересно знать, чему я обязан приглашением сюда?

— Всеу свое время, господин Хокинг, — улыбнулся хозяин вечеринки. — Надеюсь, что ужин подтвердит безупречную репутацию этого заведения. — Он повернулся к высокому и тощему немцу, который без пальто еще больше напоминал треску. — Герр Штайнеман, если не ошибаюсь? — На этот раз он говорил на немецком. Немецкий угольный магнат, известный среди угольщиков не меньше, чем Хокинг среди текстильщиков, поклонился натянuto. — И герр фон Грац? — Граф повернулся ко второму немцу. Хотя и менее известный, чем два других денежных мешка, фон Грац контролировал едва ли не всю сталь в Центральной Европе. — Итак, господа, — продолжал граф, — прежде чем мы приступим к ужину, разрешите, если возможно, сказать несколько слов в качестве введения... Страны мира несколько последних лет были заняты делами непревзойденной глупости. Насколько можно судить, этот период заканчивается. Последнее, чем я хотел бы заниматься, это обсуждать войну... больше, чем этого требует тема нашей встречи. Господин Хокинг — американец, вы, господа, — немцы. У меня, — тут граф едва заметно улыбнулся, — нет

национальности. Или, скорее, я гражданин мира. Абсолютный космополит... Господа, войну начали идиоты, и когда идиоты начинают действовать подобным образом, умным людям следует вмешаться... В этом причина и разумное основание нашего маленького ужина... Я утверждаю, что мы четверо мыслим достаточно рационально, чтобы игнорировать угар национализма, отравивший наши народы.

Тощий американец хмыкнул.

— После ужина, — невозмутимо продолжал граф, — я попытаюсь доказать вам, что у нас есть больше общих интересов, чем различий. А пока почему бы не насладиться местной кухней? Надеюсь, еда не отравлена?

— Осмелюсь заметить, вы отлично владеете языками, граф, — ухмыльнулся американец.

— Я говорю бегло на французском, немецком, английском и испанском. Кроме того, я могу объясниться в России, Японии, Китае, странах Балканского полуострова...

Его улыбка, когда он говорил, сияла, воплощая собой честность и открытость. В следующий момент метрдотель открыл дверь, и четверо уселись ужинать.

Нужно признать, что атмосфера за ужином была весьма напряженной.

Американец в погоне за миллионами утратил интерес к кулинарным изыскам, привыкнув к бутербродам и минеральной воде, как вершине поварского искусства. Герр Штайнеман был образчиком немца, для него еда была священна. Он ел и пил сосредоточенно и, очевидно полагал, что ничего более не требовалось. Фон Грац прилагал все усилия, чтобы скрыть свой страх перед американцем. Он, видимо, ожидал, что янки набросится на него прямо здесь и сейчас. И это отнюдь не способствовало созданию веселой и непринужденной обстановки за

столом. И лишь усилиями графа затея с ужином имела некий успех. Будучи инициатором собрания, он говорил непрерывно. Более того, говорил блестяще. Казалось, не было ни одного уголка земного шара, с которым у него не было бы хотя бы шапочного знакомства; в то время как с большинством мест он был так же знаком, как лондонец с площадью Пикадилли. Но даже такому блестящему мастеру застольных бесед было нелегко вести непринужденный разговор с мрачным американцем и двумя немцами, один из которых был обжорой, а другой трусом. Поэтому, когда дверь закрылась за спиной официанта, принесшего кофе, граф почувствовал облегчение. Теперь ему не потребуется петь соловьем, чтобы удерживать внимание аудитории. Это внимание автоматически удержит тема Больших Денег. И все же, когда он тщательно срезал конец сигары и понял, что глаза гостей смотрят на него с надеждой, он осознал, что самая трудная часть вечера еще впереди. Крупные финансисты, как и простые смертные, больше любят класть деньги в карманы, чем извлекать их оттуда. А граф собирался именно извлечь деньги из своих гостей, и извлечь их в большом количестве...

— Господа, — начал он, раскурив сигару, — мы все деловые люди. Поэтому я не стану ходить вокруг да около по вопросу, который стоит перед нами, но перейду сразу к сути дела. Я сказал перед ужином, что полагаю, мы достаточно влиятельны, чтобы исключить любые национальные мотивы в нашем поведении. Так как мы люди, чьи интересы имеют глобальный характер, такие вещи ниже нашего достоинства. Я хочу теперь немного подробнее остановиться на этом аспекте вопроса.

Он повернулся к американцу, сидевшему справа, ползакрыв глаза, вертя между пальцами зубочистку.

— В данное время, сэ, я обращаюсь особенно вам.

— Ближе к делу... — растягивая слова, протянул господин Хокинг.

— Не хочу затрагивать войну — или ее результат. Хотя центральные державы были разбиты Америкой и Францией и Англией, я думаю, что могу сказать за вас, господа, — он поклонился двум немцам, — что ни Франция, ни Америка не воспринимаются немцами как объект будущего реванша. Англия — главный враг Германии. Она всегда им была, она всегда им будет.

Оба немца проворчали согласно, и американец сощурился еще сильнее.

— У меня есть причина полагать, господин Хокинг, что вы лично не любите англичан.

— Я предполагаю, что мои чувства вас не касаются. Но если это представляет интерес для дела, ваше мнение правильно.

— Хорошо, — кивнул граф. — Рискну предположить, что вы были бы не против наблюдать крах Англии.

— Ладно... — отмахнулся американец. — Это все лирика. Давайте доберемся до сути.

Граф еще раз кивнул и повернулся к немцам.

— А вы, господа, должны признать, что ваши планы потерпели неудачу. Думаю, в них не входило, что британская армия займет Кельн...

— Война была идиотизмом, — пробрюзжал герр Штайнман. — Еще несколько лет мира, и мы перемололи бы их в порошок...

— Но они разбили вас, — граф ехидно улыбнулся. — Давайте признаем, что война была дикой дурью. Но как деловые люди мы вынуждены иметь дело с результатом... Результатом, господа, который касается нас. Вы, господа, — тут он снова обратился к

немцам, — достаточно патриотичны, чтобы негодовать из-за присутствия английской армии в Кельне. В этом я не сомневаюсь. И у вас, господин Хокинг, — он перевел взгляд на янки, — нет любви в сердце для англичан... Но я не предлагаю обращаться к финансистам с вашей репутацией с примитивной антибританской пропагандой... Вместо этого я предлагаю реалистичный план. План, который принесет Англии гибель, а нам с вами прибыль.

Он сказал эти слова низким и тихим голосом, и три его слушателя инстинктивно потянулись к нему.

— Не думайте, что мной движет личная месть. Мы — бизнесмены, и месть только тогда стоит нашего внимания, если она окупается. Это предприятие окупится. Я не могу назвать точные цифры, но мы с вами не стали бы беспокоиться из-за сумм меньше чем с шестью нулями. Есть возможность очень и очень хорошо заработать, есть для этого в Англии ресурсы... Эти ресурсы — разруха и хаос, порожденные войной... Это результат войны — войны, которую устроили идиоты... И теперь мы извлекаем выгоду из их идиотизма... Это мое предложение. Мало того, что вы унизите эту проклятую страну, низвергнете ее в грязь, но вы еще и получите власть, такую, о какой и не мечтали древние тираны...

Граф вскочил, его глаза сверкали.

— Мы можем это!

Он вновь сел на свое место, и его левая рука, соскользнув со стола, начала выбивать дробь на колене.

— Это наш шанс — шанс для самых умных. Но у меня не хватает денег: у нас их хватит...

Он наклонился вперед на своем стуле и поглядел на напряженные лица аудитории. Затем он перешел к сути дела...

ДЕСЯТЬ МИНУТ СПУСТЯ граф де Ги отодвинул свой стул от стола.

— Таково мое предложение, господа, вкратце. При воплощении в жизнь этого плана, несомненно, произойдут непредвиденные события. Однако мы справимся... Итак, каков будет ваш ответ? — Он поднялся, встал спиной к камину.

В течение нескольких минут никто не сказал ни слова. Каждый был занят своими мыслями и демонстрировал это своим способом. Американец, закрыв глаза, медленно катал зубочистку во рту. Штайнеман уставился на огонь, тяжело и громко дыша. Фон Грац ходил из угла в угол, сцепив руки за спиной. Только граф де Ги смотрел беззаботно на огонь, как будто равнодушный к результату обсуждения. В этом и заключалось его подлинное отношение к жизни. Привыкший играть по-крупному, он только что взял в руки карты для самой грандиозной азартной игры в жизни... Какое им дело до того, зачем он эту игру затеял? Единственный вопрос, который занимал умы его гостей, состоял в том, можно ли в этой игре выиграть. И все зависело от того, какое мнение сложилось у них, какое впечатление он на них произвел.

Внезапно американец достал зубочистку изо рта и вытянул ноги.

— Есть вопрос, который важен для меня, граф, от ответа на который зависит, с вами я или нет. Я предполагаю, что вы изучили нас и знаете о нас больше, чем мы сами. Вы расскажете нам о себе? Если мы соглашаемся войти в дело, это будет стоить нам больших денег. Управлять этими деньгами будете вы. Итак — кто вы такой?

Фон Грац остановился и кивнул. Даже Штайнеман с большим усилием поднял взгляд и уставился в лицо графа...

— Очень уместный вопрос, господа, и все же тот, на который, я сожалею, неспособен ответить. Я не буду оскорблять вас, настаивая на подлинности своего графского титула. Достаточно того, что я — человек, средства к существованию которого находятся в карманах других людей. Как вы говорите, господин Хокинг, это мероприятие будет стоить больших денег, но по сравнению с итоговой прибылью затраты будут пустяковой неприятностью... Надеюсь, что не выгляжу как тот, кто крадет копилку ребенка, имея под рукой жемчуга, алмазы и ключи от сейфа с золотом?.. Вы должны будете доверять мне, как и я должен доверять вам, ибо наш проект потребует огромных текущих расходов... Я должен буду доверять вам, чтобы получить свою долю в конце...

— И эта доля — сколько? — нарушил тишину гортанный голос Штайнемана.

— Один миллион фунтов стерлингов — со всех вас, вместе взятых, и он должен быть выплачен в течение одного месяца после завершения моей работы. После этого контроль перейдет в ваши руки... и делайте что желаете с этой проклятой страной!

Его глаза пылали жестокой, мстительной яростью. Но длилось это всего лишь миг, затем маска учтивого хозяина вновь оказалась на лице графа-самозванца. Он выставил свои условия откровенно и без торга: говорил с воротилами без лести и не юля, как равный с равными.

— «Вы либо со мной, либо нет...» — так он им сказал, если не дословно, то по сути. Все или ничего. И никакой другой подход не был бы эффективен с этими безжалостными и бескомпромиссными финансовыми акулами...

— Возможно, граф, вы будете столь любезны, чтобы оставить нас на несколько минут, — попросил фон Грац. — Решение серьезное, и...

— Да, конечно, господа. — Граф открыл дверь. — Я вернусь через десять минут. К тому времени вы, я думаю, сумеете решить, «да» или «нет».

Выйдя в холл, граф закурил.

Отель казался пустым, не считая одной толстой женщины, спящей на стуле напротив номера X. Граф задумался, дав волю воображению. Гений во всем, что касалось практической психологии, он чувствовал, что знал результат обсуждения... И затем... Что тогда?.. В своем воображении он видел, как его планы воплощаются в жизнь, видел, как щупальца заговора проникают повсюду. Он видел себя обладателем власти, какой не имел ни один король, диктатором, которому достаточно только пошевелить пальцем, чтобы погрузить королевство в хаос... И когда он сделает это, страна, которую он ненавидел, будет в руинах, тогда он будет вправе потребовать свой миллион и станет наслаждаться жизнью, поскольку великий человек должен наслаждаться вознаграждением...

Он провел десять минут в мечтах. Опасность задуманного не пугала его. К опасности он привык, и сам он был человеком весьма опасным. То, что его схема принесла бы крушение, возможно, смерть, тысячам невинных мужчин и женщин, не вызвало у него растерянности. Граф был абсолютным эгоистом. У него была цель, и он знал, как этой цели достичь. Но до сих пор ему не хватало денег... и... Быстрым движением он вытащил из кармана часы. Десять минут прошли!

Он поднялся и прошел через холл. Метрдотель во вращающихся дверях подобострастно склонился перед ним.

— Смеем надеяться, что ужин не разочаровал месье графа... Сожалеем, что не смогли предложить

большого... Надеемся, что господин граф вновь воспользуется нашим гостеприимством...

— Пока это не входит в мои планы. — Граф вынул бумажник. — Но исключать такую возможность я не стану. — Купюра скользнула в руку метрдотеля, затем последовало распоряжение: — Приготовьте счет, я оплачу сразу, как только вернусь в холл.

Граф направился в номер, в то время как метрдотель удовлетворенно разглядывал английскую банкноту достоинством в пять фунтов стерлингов.

Перед дверью номера граф загадочно улыбнулся. Потом скользнул в номер...

Американец все еще жевал свою зубочистку; Штайнеман все еще тяжело дышал. Только фон Грац изменил свое занятие, он теперь сидел за столом, потягивая длинную тонкую сигару. Граф вошел и направился к камину...

— Ну, господа, — спокойным голосом поинтересовался он, — что вы решили?

Ответил американец.

— Мы согласны. С одной поправкой. Деньги слишком большие для трех из нас: должна быть одна четверть. Это будет четверть миллиона с каждого.

Граф поклонился.

— Да, — продолжал американец. — Эти два господина согласны со мной, что это должен быть еще один из моих соотечественников — так, чтобы мы вложились поровну. Человек, которого мы выбрали, приезжает в Англию через несколько недель — Хирэм С. Поттс. Если вы уговорите его, можете рассчитывать на нас. В противном случае этих переговоров не было.

Граф кивнул, и если он почувствовал какое-либо раздражение при таком неожиданном повороте, он не показал ни единого его признака.

— Я знаю о господине Поттсе, — ответил он спокойно. — Он крупный судовладелец, не так ли? Я согласен.

— Хорошо! — воскликнул американец. — Давайте обсудим некоторые детали.

Без единой эмоции на лице граф пододвинул стул к столу. Лишь его пальцы вновь начали выстукивать некий ритм на колене левой ноги.

ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ГРАФ вошел в свой роскошный номер люкс в отеле «Магнифисент».

Девушка, которая лежала у камина, читая французский роман, посмотрела на него, обернувшись на звук открываемой двери. Она не сказала ни слова, взгляд на его лицо сказал ей все, что она хотела знать.

Он подошел к дивану и улыбнулся ей.

— Успешно... На наших собственных условиях... Завтра, Ирма, граф де Ги умрет, а Карл Петерсон и его дочь уедут в Англию! Карл Петерсон — сельский джентльмен. Он разводит кур и, возможно, свиней...

Девушка встала и потянулась, зевнув.

— Mon Dieu! Какая перспектива! Свиньи и куры — и в Англии! Сколько времени это займет?

Граф глубокомысленно смотрел на огонь.

— Возможно, год, возможно, шесть месяцев... Все в руках Господних!

*Глава первая,
в которой капитан едет на чаепитие в отеле
«Карлтон» и находит повод сильно удивиться*

КАПИТАН ХЬЮ ДРАММОНД, кавалер ордена «За выдающиеся заслуги», ветеран Лоамширского Королевского полка, насвистывал, принимая утреннюю ванну. Капитан был человеком веселого нрава, и его манеры нисколько не удивляли его слугу, который накрывал на стол. Последний раньше тоже служил в том же самом знаменитом полку, но в чине рядового...

Через несколько минут свист прекратился, и звук сливающейся воды оповестил о том, что концерт окончен. Это служило сигналом для Джеймса Денни, человека с квадратной челюстью, на чьем лице было написано: «Я денщик и этим горжусь!» Следовало бежать на кухню, к жене, за завтраком. Но этим утром неизменный порядок был нарушен.

Джеймс Денни казался невнимательным, был чем-то озабочен.

Несколько раз он чесал голову и выглядывал в окно. Взгляд его был хмурым. И каждый раз, бросив краткий взгляд на Хэлф-Мун-стрит, он с усмешкой возвращался к столу.

— Где вы, Джеймс Денни? — сердитый голос жены у двери заставил его виновато обернуться. — Почки готовы и ждут уже пять минут!

Ее взгляд упал на стол, и она вошла в комнату, вытирая руки о передник.

— Ты когда-либо видел такую связку писем? — спросила она.

— Их всего сорок пять, — мрачно ответил ей муж. — И это еще не конец. — Он взял газету, лежащую на краю стола. — Результат этого, — он ткнул пальцем в газету.

— «Демобилизованный офицер, считая мир невероятно утомительным, жаждет разнообразия и приключений, — медленно прочитала жена Денни. — Законных, если возможно; но преступление, если в нем присутствует изрядная доза иронии, допустимо. Важна эмоциональная встряска. Готов рассмотреть постоянную работу, если она удовлетворяет данным требованиям. Ответьте сразу. Ящик X10».

Она уронила газету на стол, обреченно уставившись на толстую пачку писем, лежащую на столе.

— Не ввязывайся в это! — заявила она. — Не гневи Господа! Преступление, Денни, — это преступление! Не ввязывайся в это, муж мой, иначе мне придется поговорить с тобой серьезно! — она погрозила мужу пальцем и медленно удалилась на кухню. В пору юности Джеймс Денни был немного диковат, и этим утром в его глазах вновь сверкало опасное пламя тех времен.

Хью Драммонд вошел в комнату минутой или двумя позже. Немного ниже шести футов, он был широк в плечах. Даже лучший друг не назвал бы его красивым, но он был счастливым обладателем того забавного типа уродства, которое внушает доверие, а не отталкивает. Его нос носил отпечаток усиленных занятий боксом

в тяжелом весе; а рот казался, мягко говоря, крупноватым. Но его глаза преображали лик Драммонда в лицо «человека разумного», и притом весьма приятное. Глубокие и спокойные, с ресницами, которым позавидовали многие женщины, именно глаза придавали лицу Драммонда благородство, позволяя безошибочно распознать в нем спортсмена и джентльмена. В самом лучшем и совершенном смысле каждого из этих понятий.

Капитан посмотрел на пачку бумаг на столе и на мгновение замер. Его слуга, притворяясь занятым, наблюдал за хозяином тайком из другого конца комнаты и заметил усмешку на лице Драммонда, после того как тот просмотрел пару писем.

— Кто мог подумать, Джеймс? — усмехнулся он. — Умереть и не встать! Мне потребуется напарник.

С выражением праведного гнева на лице в комнату вошла госпожа Денни. Она принесла завтрак, и Драммонд посмотрел на нее с улыбкой.

— Доброе утро, госпожа Денни! Кто посмел вызвать ваше неудовольствие? Неужто этот подонок Джеймс позволил себе вести себя с вами не учтиво?

— Никак нет, по крайней мере пока.

Достойная женщина фыркнула. Госпожа Денни мрачно взглянула на мужа, копавшегося в книжном шкафу.

— Надеюсь, мне не придется вести себя с ним неучтиво, несмотря на то, что я услышала утром!

Бросив на газету в руке Драммонда взгляд, каким смотрят на ядовитую змею, она удалилась из комнаты. Мужчины переглянулись.

— Ее возмутило слово «преступление» в вашем объявлении, сэр, — пояснил Денни хриплым шепотом.

— Думает, что я собираюсь втянуть вас в грязные дела, Джеймс? — Хью наконец добрался до почек. — Мой

СОДЕРЖАНИЕ

БУЛЬДОГ ДРАММОНД

Роман

ПРОЛОГ.....	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ, <i>в которой капитан едет на чаепитие в отеле «Карлтон» и находит повод сильно удивиться</i>	21
ГЛАВА ВТОРАЯ, <i>в которой Драммонд отправляется в Годалминг, и игра начинается</i>	41
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, <i>в которой действие переносится на Хэлф-Мун-стрит</i>	63
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, <i>в которой Драммонд проводит тихую ночь в «Вязах»</i>	85
ГЛАВА ПЯТАЯ, <i>в которой проблема возникает в Горинге</i>	105
ГЛАВА ШЕСТАЯ, <i>в которой очень старая игра происходит на Хогз-Бэк</i>	124
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, <i>в которой Драммонд час или два сидит на крыше</i>	143
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, <i>в которой Драммонд ночью отправляется в Париж</i>	165
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, <i>в которой на Драммонда охотится первобытное чудовище</i>	187

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, <i>в которой становится на одного немца меньше</i>	205
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, <i>в которой Лэкингтон принимает ванну в последний раз</i>	225
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, <i>в которой игра подходит к концу</i>	246
ЭПИЛОГ	266

РАССКАЗЫ

АЛМАЗНАЯ ДИАДЕМА	270
ПЕРСТ СУДЬБЫ	289
ТАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ	313
ДВУСТОРОННИЙ ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ	336

Литературно-художественное издание

Герман Сирил Макнейл

БУЛЬДОГ ДРАММОНД

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Редактор *А. Соловьев*
Выпускающий редактор *Е. Пучкова*
Корректор *О. Шепитько*
Компьютерная верстка *Е. Климентьевой*

Обложка и оформление серии: *Илья Викторов*

Подписано в печать 05.10.2020. Формат 84×108/32
Печ. л. 11,5 Гарнитура «Deja Vu condensed»
Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
e-mail: info@gorodets.ru
тел.: +7 (985) 8000 366

Интернет-магазин www.gorodets.ru

Следствие ведет Бульдог Драммонд

Бульдог Драммонд — литературный персонаж, созданный Германом С. Макнейлом (1888—1937), стал прототипом Майка Хаммера, Джеймса Бонда, Дока Сэвиджа и многих других знаменитых героев детективной литературы.

С 1923 по 1970 г. было снято более 20 фильмов о приключениях Бульдога Драммонда. А звезда английского кинематографа Рональд Колман был номинирован на «Оскар» за главную роль в фильме «Бульдог Драммонд» (1929). В дальнейшем образ Драммонда, созданный Колманом, послужил прообразом героев Хамфри Богарда и Арнольда Шварценеггера.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

www.gorodets.ru

ISBN-978-5-907220-23-2

9 785907 220232